

Сологуб Федор Кузьмич

Собрание сочинений

Том 7

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Ф33

Ф33 **Федор Кузьмич С.**
Собрание сочинений: Том 7 / Сологуб Федор Кузьмич – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 241 с.

ISBN 978-5-519-74900-8

ISBN 978-5-519-74900-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ДНИ ПЕЧАЛИ.

ЕЛКИЧЪ.

Январскій разсказъ.

I.

Елка, елка, не сердись.
Елкичъ, елкичъ, не бранись,
Мнѣ постели не топчи,
Сядь на елку, и молчи.

Вѣра Алексѣевна прислушалась. Въ скучной темнотѣ зимняго разсвѣта изъ дѣтской доносилось тихое пѣніе,—кто-то тоненькимъ голоскомъ тянулъ пѣсенку со странными словами. На лицѣ Вѣры Алексѣевны выразилась озабоченность. Она тихо подошла къ дверямъ дѣтской. Пѣніе замолкло на минуту. Потомъ тоненькій голосъ опять затянулъ, отчетливо выговаривая тихія и странныя слова и придавая имъ трогательное и жалобное выраженіе:

Мама елку принесла.
Елка елкичу мила.
Елка выросла въ лѣсу.
Елкичъ съ шишкой на носу.

Вѣра Алексѣевна, сохраняя на лицѣ все то же озабоченное выраженіе, осторожно потянула къ себѣ дверь дѣтской. Старшій мальчикъ, Дима, еще спалъ, приткнувшись носомъ къ подушкѣ и мѣрно дыша

открытымъ ртомъ. Младшій, Сима, худенькій, черно-волосый и черноглазый мальчикъ, сидѣлъ на постели, охвативъ колѣни руками, смотрѣлъ горящими въ темнотѣ глазами въ темный уголъ, покачивался и напѣвалъ. Вѣра Алексѣевна позвала тихонько, чтобы не испугать его:

— Симочка.

Сима не услышалъ. Продолжалъ свою пѣсенку, и звуки ея казались все болѣе хрупкими и печальными.

Елкичъ миленькій, лѣсной!
Уходилъ бы ты домой.
Елку ты не спасешь,
Съ нами самъ пропадешь.

Вѣра Алексѣевна подошла къ постели мальчика. Нарочно стучала каблучками своихъ туфель. Сима повернулъ къ ней лицо.

— Симочка, что ты поешь спозаранку? Дай Димѣ спать.

Дима проснулся. Пухлый, румяный, лежалъ на спинѣ, и сердито смотрѣлъ на мать.

Сима сказалъ печальнымъ и хрупкимъ голосомъ:

— Елкичъ-то, вотъ бѣдненькій! Каково ему теперь! Елку срубили,—гдѣ онъ теперь жить будетъ? Пустятъ ли его на другую елку? И какъ онъ туда доберется? Мама, какъ онъ теперь будетъ?

— Что ты говоришь, Симочка? — недовольнымъ голосомъ заговорила мама.—Какой еще елкичъ тебѣ приснился? И какъ можно пѣть въ постели! Всѣхъ разбудилъ.

Дима, который вставая всегда бывалъ грубъ, сказалъ хриплымъ и сердитымъ голосомъ:

— Пришла! Кому мѣшаетъ. Усмиреніе съ помощью родительскихъ шлепковъ.

— Дима, не груби,—строго сказала мама.—Шлепковъ пока еще никому не было, ты ихъ не хочешь ли?

— Попробуй, — все такъ же сердито отвѣчалъ Дима,—я вѣдь и заревѣть могу.

Мама спокойно сказала:

— Ну, миленькій, меня ревомъ не испугаешь.

Подошла къ Димѣ, сняла съ него одѣяло, подняла Диму за плечи, наклонилась къ нему, и шепнула:

— Разговори Симу,—ему опять что-то снится нескладное.

Дима былъ польщенъ. Сразу сталъ очень любезенъ. Поцѣловалъ обѣ мамыны руки. Поздравилъ съ праздникомъ. Шепнулъ:

— Трудно. Теперь онъ все будетъ рассказывать.

Тоненькій голосокъ за ними опять затянулъ свою нескончаемую пѣсенку.

Елкичъ въ елкѣ мирно жилъ,
Елкичъ елку сторожилъ.
Злой пріѣхалъ мужичекъ,
Елку въ городъ уволокъ.

Мама вздрогнула, и короткое время стояла, какъ испуганная. Потомъ рѣшительно подошла къ Симѣ. Взяла его за плечо. Сказала рѣшительно и строго:

— Симочка, не дури. Какой елкичъ? Что за вздоръ!

— А онъ, елкичъ, такой маленькій,—заговорилъ тоненькимъ и возбужденнымъ голоскомъ Сима,—маленькій, маленький, съ новорожденный пальчикъ.

И весь зелененькій, и смолкой отъ него пахнетъ, а самъ онъ такой шершавенькій. И брови зелененькія. И все ходить, и все ворчить: „развѣ моя елка для васъ выросла? она сама для себя выросла!“

— Это, Сима, тебѣ приснилось,—сказала мама.— Проснулся, такъ нечего въ постели сидѣть,—одѣвайся проворно. Дима, одѣваться! И не дурить. Смотрите вы оба у меня.

И мама ушла изъ дѣтской спальни. Она знала, что надо бы остаться сколько-нибудь еще съ мальчиками,—но ей было такъ некогда. Эти праздники въ городѣ,—ихъ положительно не видишь, вздохнуть некогда. Столько разныхъ выѣздовъ и пріемовъ, положительно, какая-то непріятная праздничная повинность. И такъ много расходовъ, и такъ много домашнихъ хлопотъ, суетни, неурядицъ, неудовольствій,—съ мужемъ, съ дѣтьми, съ прислугою. Право, быть хозяйкою дома при современномъ строѣ жизни становится уже очень тяжело. Видно, и намъ скоро придется ступить на ту же дорогу, по которой идутъ хозяйки въ Сѣверной Америкѣ.

Такими соображеніями утѣшая или, вѣрнѣе, разстраивая себя, мама пошла въ столовую, гдѣ уже ее ждали. Проходя мимо большихъ зеркалъ въ гостиной, она съ удовольствіемъ, какъ всегда, кинула быстрый взглядъ на отраженное въ зеркалахъ прекрасное, еще такое молодое лицо, и на стройную фигуру въ домашнемъ, совершенно простомъ, но очень изящномъ, и, что самое важное, очень идущемъ къ лицу нарядѣ.

II.

А мальчики, оставшись одни, немедля заговорили о бѣдномъ елкичѣ, который такъ тоскуетъ о своей загубленной елкѣ и не можетъ утѣшиться.

Маленькій, зелененькій, шершавенькій, съ зелеными бровями и зелеными рѣсницами, онъ все ходитъ по комнатамъ, и ходитъ, и ворчитъ. Никто его не видитъ, кромѣ маленькаго Симочки.

И ходитъ, и ворчитъ, и жалуется, и наводитъ тоску на Симу.

Ворчитъ:

— Развѣ она для васъ въ лѣсу выросла? Развѣ вы сдѣлали ее? Зачѣмъ вы ее зарубили?

Сима оправдывается:

— Милый елкичъ, да вѣдь намъ зато какъ весело-то было! Ты подумай только, какъ свѣчки зажгли на елочкѣ, вотъ-то весело стало! Развѣ ты этого не понимаешь? Вѣдь ты же самъ видѣлъ,—свѣчки на елочкѣ, и золотой дождь, и блески,—такъ все и горитъ, и блеститъ, и переливается. Еще мнѣ-то что, я вѣдь не первую елку справляю,—а вотъ самыя маленькіе, и еще вотъ швейцаровы дѣти,—вѣдь имъ это какой праздникъ! Что же ты сердишься такъ, милый елкичъ?

И съ тоскою прислушивался къ тому, что ему отвѣтитъ елкичъ. И уже заранѣе зналъ, что елкичъ не повѣритъ его словамъ, что нельзя никакими словами утѣшить елкича, у котораго зарубили его родную елку.

— Она у меня одна была,—ворчитъ елкичъ.

И ноетъ, и скулить тоненькимъ голоскомъ. И только Сима слышитъ его.

— Какую власть взяли!—ворчитъ елкичъ.—Взяли мою елку, привезли, веселитесь. Если вамъ нужно вокругъ елки плясать, ѣхали бы въ лѣсъ сами. Въ лѣсу хорошо. А то срубили, погубили.

Ноетъ, скулить.

III.

Сима наконецъ приступилъ къ своему старшему брату, студенту.

— Кира, елкичъ-то все тоскуетъ. Онъ, елкичъ-то, все ходитъ, и на домашнихъ сердито смотреть, и все скулить такимъ тоненькимъ голоскомъ. Какой онъ бѣдный!

— Результатъ чтенія фантастическихъ произведеній,—проворчалъ студентъ.

— Нѣтъ, Кира, ты скажи, вотъ онъ жалуется, что елка не для насъ выросла, а вотъ ее для насъ срубили. Какъ же это такъ? Вѣдь она, и въ самомъ дѣлѣ,—для себя? И каждый для себя. А то вѣдь такъ cadaго придутъ и возьмутъ, и сдѣлаютъ, что хотятъ.

Студентъ выслушалъ хмуро. Сказалъ:

— Елка—дерево. Ее можно срубить. А вотъ относительно насъ съ тобою, тутъ, дѣйствительно, дѣло обстоитъ неладно. Человѣкъ есть автономная личность, не правда ли?

Сима утвердительно кивнулъ головою. Кира продолжалъ: